

Жажда добычи была у каждого степняка в крови. В те годы, когда Линь Чжаочжао сидел за столом, смакуя чай и ведя высокопарные беседы с друзьями-учеными, Сюйлегзеэр уже вел свой народ через лишения, вечно кочуя и спасаясь бегством.

Вокруг лишь сильные враги, а пристанища нет нигде.

Если хочешь вина или мяса — бери в руки кривую саблю и забирай сам, платя вражеской кровью. Сюйлегзеэр вырос в этом жестоком, первобытном мире. И как бы он ни старался скрыть свою натуру перед Линь Чжаочжао, то, что высечено на подкорке, не стереть ничем.

Смиренная вежливость, чистота помыслов, благородная сдержанность — все эти качества «совершенного мужа», живущие лишь на страницах книг, не могли прижиться в человеке, привыкшем убивать, чтобы просто быть сытым. О них нельзя было даже помыслить, а значит, нельзя было и притвориться.

Сюйлегзеэру оставалось лишь принять это как данность. Он никогда не станет тем человеком, что достоин Лочу.

— О чем ты плачешь?

Черный шелк волос рассыпался по столу водопадом, тонкие белые руки закрывали глаза, но Сюйлегзеэр всё равно видел слезы, скатывающиеся по лицу:

— Зачем ты льешь слезы?

Он склонился к нему и, словно зверь, врачующий раны, принялся медленно слизывать соленые дорожки. Он давно мечтал об этом. Ему до безумия нравился запах Лочу — непередаваемый, чистый аромат, не оскверненный кровью. Он ощущал его даже сквозь слои ткани, и эта нежная сладость вытягивала из него душу.

Запах... невероятный запах. Хотелось зарыться в него и вдыхать вечно.

Линь Чжаочжао уперся рукой в грудь мужчины, но тщетно. Разница в силе была слишком велика — он чувствовал себя беспомощным кроликом под волчьей лапой, чья судьба — быть растерзанным.

Губы Чжаочжао дрогнули, голос сорвался на прерывистый вздох:

— Тронь меня... и ты пожалеешь...

Сердце колотилось всё быстрее, а кровь в жилах будто закипала. Чжаочжао отвернулся, выпрямив шею и вскинув подбородок; он всем своим видом показывал, что не удостоит мужа даже взглядом. Он походил на раненого журавля, упавшего в сточную канаву: даже пойманный в сети коварным охотником, он продолжал гордо держать голову.

Взгляд Сюйлегезра потемнел, в горле пересохло. Он до боли любил это мимолетное изящество, невольно проступавшее в каждом жесте Чжаочжао. Эта хрупкая, надменная красота заставляла подчиняться ей без остатка. Он готов был возносить этого человека, оберегать его, позволять ему всегда смотреть на мир свысока. И в то же время... ему нестерпимо хотелось сорвать этот покров слой за слоем, чтобы увидеть, какой Лочу на самом деле — мягкий и податливый.

Грубые пальцы поглаживали белоснежную шею, ладонь Сюйлегезра обжигала, точно огонь.

— Если я получу тебя, Лочу, — прохрипел он, — то умру без капли сожаления...

— Ты... животное, — в ярости Линь Чжаочжао вскинул руку.

— Ты должен был понять это еще тогда, когда велел мне забрать тебя, — Сюйлегезр прижал его руку обратно к столу. — Ты знал, за какого человека выходишь.

Он чувствовал, как сильно дрожит тело под его руками. «Кажется, я перегнул палку», — мелькнуло в голове у вождя. Ему вовсе не хотелось причинять Чжаочжао боль, просто слова о наложницах и детях задели его за живое. Он хотел проучить Лочу, заставить его сорвать эту маску «добродетельной супруги».

Сюйлегезр уже собирался ослабить хватку, как Линь Чжаочжао вдруг повернулся и уставился на него покрасневшими от гнева глазами.

— За кого ты меня принимаешь? — процедил он сквозь зубы. — Слушай меня, дикарь. Посмей только взять меня силой сегодня — и завтра ты меня больше не увидишь.

— Что ты сказал? — голос мужчины стал угрожающе низким.

— Если ты осмелишься...

— Посмей только! — лицо Сюйлегезра исказилось, в глазах вспыхнула пугающая ярость. Он сжал пальцы еще крепче, будто боясь, что Чжаочжао исчезнет прямо сейчас.

— А-а-а! — Чжаочжао вскрикнул от боли. Казалось, кости в его запястьях вот-вот хрустнут.

Этот крик вырвал Сюйлегезра из оцепенения. Он мгновенно разжал руки. Однако человек на столе больше не сопротивлялся — он лежал неподвижно, глядя в пустоту, точно обреченный на заклятие.

— Впрочем, чего еще ждать от степняков. Вам неведомы ни честь, ни стыд. Вы крадете чужих жен, когда заблагорассудится, а уж я... я и вовсе лишь игрушка в ваших глазах. Разве вы считаете меня за человека?

На губах Линь Чжаочжао заиграла горькая усмешка:

— Чего же ты ждешь, великий вождь? Бери, что хочешь. А когда наиграешься — выбросишь или отдашь другим, как тебе будет угодно.

Чжаочжао впился взглядом в лицо мужа, ожидая новой вспышки гнева. Каждое слово было точно игла, бьющая в самое сердце. Ранить того, кого знаешь, совсем не трудно. Если в душе кипит обида, ядовитые речи срываются с языка сами собой.

— Неужели в твоих глазах я столь омерзителен? — Сюйлегээр посмотрел на него и отступил на несколько шагов.

В его взгляде не было ярости — лишь бесконечное, беспросветное одиночество. Сердце Чжаочжао кольнуло, он приподнялся, опираясь на стол, и принялся поправлять одежду, стараясь не смотреть на мужчину.

Ожидаемой ссоры не случилось. Сюйлегээр молча покинул шатер. Линь Чжаочжао даже на миг стало странно: ведь это была ставка вождя, и уходить по логике следовало ему самому.

— Передай, что сегодня уроков не будет. Пусть расходятся, — бросил он Агусу и заперся в своей юрте, не выходя оттуда до самой ночи.

— Господин, что с вами? — Сухэ, видя подавленное состояние хозяина, осторожно спросил: — Вы повздорили с вождем?

Линь Чжаочжао откинулся на жесткую подушку и лениво покосился на слугу:

— С чего ты взял?

— Ха, да я просто догадался, — Сухэ почесал затылок, про себя думая: «Господин, вам бы хоть раз взглянуть на лицо вождя — и гадать бы не пришлось». Но вслух он этого, конечно, не произнес.

— И что же между вами произошло? — не унимался Сухэ.

— Тебе-то что за дело? — отрезал Чжаочжао. События этого дня он не смог бы пересказать и под страхом смерти.

— Да я не из любопытства, просто подготовиться надо, — Сухэ неловко потер ладони. — Если нас отсюда погонят, вы шепните заранее. Я вещи соберу, будем думать, куда бежать.

— Бежать? Мы с тобой и пяти ли не пройдем, — вздохнул Чжаочжао. — Не бойся, на мороз нас пока не выставляют...

— Господин, может, всё же расскажете? Вдруг я что дельное присоветую?

— Да что тут рассказывать... — Чжаочжао снова вздохнул и безучастно добавил: — Он хотел одну вещь, я не дал. Вот и поссорились.

— Что за сокровище такое? — удивился Сухэ. — Господин, мы ведь на его земле. Вы сами учили: мудрый подстраивается под обстоятельства.

— К этому случаю твои мудрости не подходят, — буркнул Чжаочжао. «Этим сокровищем была честь твоего господина».

— Ох... — Сухэ понизил голос. — Вождь вроде к вам добр, не похож на того, кто отнимает силой. Наверное, он не станет мелочиться из-за какой-то вещицы.

— Дело не в том, что я пожалел, а в том... что нельзя требовать силой! — лицо Чжаочжао вспыхнуло, в груди теснилась обида. — Это разные вещи! Если бы он просто попросил, может, я бы и... Но брать силой — значит не считать меня за человека! Впрочем, мне не привыкать. Даже родной отец меня за человека не держал. Видно, судьба у меня такая, я смирился.

Линь Чжаочжао поджал губы, взгляд его потух. «Но почему тогда... почему он так добр ко мне?»

Он не хотел возвращаться мыслями в прошлое. Но та ночь из прежней жизни, пропитанная винными парами и горечью, навсегда осталась узлом в его сердце. И даже начав всё сначала, он не мог потребовать от нынешнего Сюйлегезра ответа за то, что совершил тот, другой.